

УДЕЛ ГОЛОДАЮЩЕГО СОЗНАНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ МОЛОДЕЖИ

Сергей ШИПТЕНКО,
преподаватель кафедры
идеологии и политических наук
Академии управления при
Президенте Республики Беларусь

Игорь ПОДДУБСКИЙ,
аспирант Академии
управления при
Президенте
Республики Беларусь

Уничтожение традиционной системы ценностей, деидеологизация общественно-политической жизни положили начало распространению массовых и элитарных форм контркультуры, стандартов западного «общества потребления». Характерной чертой этого являются крайние формы индивидуализма, которые приводят к духовному и политическому отчуждению. Ценности национальной культуры вытесняются стереотипами-образцами массовой культуры, а в качестве ориентиров внедряются примитивные ложные ценности. Социально-психологической реакцией части молодежи на этот процесс являются различные формы протеста, выражающиеся не только в культурном андеграунде, но также в политическом и религиозном радикализме и экстремизме. В силу возрастной специфики именно молодежь является носителем революционных идей, наиболее восприимчивым к инновациям, в то время как старшее поколение апеллирует к традиции и сохранению устоев, консерватизму с позиций «житейской мудрости».

В результате мы сталкиваемся с проявлениями кризиса молодежного мировоззрения. Он выражается в потребительском отношении к жизни и стремлении к быстрому обогащению, в гражданском и правовом нигилизме, завышенных притязаниях на успех без напряженного труда и личного вклада в достижение поставленной цели. Социальная неустроенность некоторых категорий молодых людей, различные жизненные трудности, низкий уровень правосознания являются определяющими факторами асоциального поведения и причинами роста преступности среди молодежи. По данным правоохранительных органов, в Беларуси в 2007 году по сравнению с 2006-м на 25,2% увеличилась рецидивная преступность среди несовершеннолетних. В первом квартале 2008 года возросло количество совершенных несовершеннолетними убийств в 2,5 раза, изнасилований – на 16,6%, хищений путем использования компьютерной техники – в 2,5 раза. Все более широкое распространение у молодого поколения приобретает пристрастие к алкоголю. Подавляющая часть белорусской молодежи (почти 70%) не скрывает, что склонна к употреблению спиртных напитков [13, с. 10]. Некоторые молодые люди (1,3%) регулярно употребляют наркотические вещества [13, с. 9].

Под зарубежным идеологическим влиянием при организационно-финансовой поддержке иностранных фондов местный молодежный политический радикализм приобретает институциональные черты, выраженные в становлении и развитии молодежных организаций как субкультурных институтов в системе белорусского общества. Как и новые религиозные движения (НРД), они противопоставляют себя сложившимся стереотипам и нормам права, придерживаясь девиант-

ных (выходящих за рамки нормы) форм поведения.

Общепринятого и строгого определения экстремизма не существует, хотя он и анализировался как на уровне политической науки, так и на междисциплинарном уровне. Под экстремизмом понимают разнородные явления. Он может проявляться индивидуально и в массовом действии, иметь различную подоплеку и направленность. Однако в любом случае являет собой форму протеста, преследует определенные цели и сопряжен с применением насилия психологического, физического или иного характера. Известный российский исследователь феномена экстремизма А.А. Козлов определяет экстремизм как «любое превышение пределов допустимого при наличии злого смысла или умысла» [8, с. 26].

Экстремизм в целом является предметом теоретического анализа и предметом прикладного исследования только в своих конкретных проявлениях (политический, экономический, религиозный, этнический экстремизм и т. д.) [7, с. 260]. Данный феномен обусловлен, с одной стороны, социальными факторами (социальная среда, «социальное здоровье»), с другой – биологическими (психогенетическими) [7, с. 260]. Академик А.А. Козлов считает, что «*проявления экстремизма в массовом сознании и поведении подчинены известным пропорциям, имеющим постоянное выражение. Так, постоянными носителями экстремистских состояний в своих крайних формах являются не более 3–5% от числа населения любой страны евроамериканской зоны и России... Еще 12–15% достаточно внушаемы и подвержены воздействиям «носителей», главным образом в кризисных, особенно долговременных ситуациях. Наконец, при обострении ситуации до крайних пределов к этим группам могут примкнуть значительные массы обездоленного и измученного народа (до 30–40% населения)*» [7, с. 261]. «Экстремизм – удел голодающего сознания, причем в прямом и переносном смысле этого слова», – утверждает исследователь [7, с. 262]. В отличие от агрессивности, которая

проявляет себя как психологический феномен, экстремизм еще и всегда идеологичен [7, с. 263], ему свойственен так называемый «оправдательный синдром». Противопоставить агрессивности и экстремизму, по мнению академика, возможно действенную систему воспитания молодого поколения, основанную на идеалах государственности и патриотизма, а также меры, направленные на социализацию молодежи, включение в позитивные виды деятельности естественных носителей агрессии [7, с. 261–263].

Как синоним политического экстремизма часто употребляется термин «*радикализм*», который носит больше пропагандистский характер и предполагает стремление к решительным действиям (но не крайним) в рамках легитимной государственной системы. Экстремизм – «приверженность» к крайним методам политической борьбы; по аналогии с терминами «национализм» и «шовинизм» его можно определить как крайнюю, воинствующую форму радикализма. Есть также точка зрения, согласно которой радикал – это имеющий намерение, но не совершающий действие, а экстремист – это тот, кто совершает действие систематически. Отличаясь от экстремизма, радикализм не призывает уничтожить существующую политическую системность, а предполагает стремление к кардинальному ее преобразованию. Аналогично следует рассматривать феномен религиозного радикализма и экстремизма. В любом случае, данные явления можно рассматривать как тип девиантного поведения. В связи с этим особую сложность представляет определение понятия нормы, так как реально не существует никакой нормы с четко обозначенными границами, за которыми начинается отклонение от нее. Более того, каждая цивилизация и культура имеют свои специфические трактовки естественного, нормального, допустимого и т. д.

Политический экстремизм отличается от других форм экстремизма тем, что его основными составляющими элементами выступают субъекты политической

ШИПТЕНКО

Сергей Алексеевич.

Родился в 1977 году в Киеве. В 1999 году окончил исторический факультет БГУ, в 2003-м – аспирантуру БГУ (кафедра источниковедения и методологии истории), в 2007 году – Академию управления при Президенте Республики Беларусь. Член Совета общественного объединения «Новая экономика». Сфера интересов: нетрадиционные формы духовности, история новых религиозных движений, молодежные субкультуры, общественные движения, информационные технологии, политэкономия. Автор около 40 научных публикаций.

ПОДДУБСКИЙ**Игорь Леонидович.**

Родился в 1972 году в Минске. В 1998 году окончил следственно-экспертный факультет Академии МВД Республики Беларусь, в 2007-м – Институт государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Проходил службу и работал на различных должностях в системе

МВД, генеральной прокуратуры Беларуси.

В настоящее время – сотрудник Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь.

Аспирант кафедры идеологии и политических наук Академии управления

при Президенте Республики Беларусь.

Сфера научных интересов: геополитика, современные политические технологии и процессы, политический экстремизм, теоретические и прикладные аспекты борьбы с терроризмом.

деятельности; сама политическая деятельность ориентирована на достижение публичной власти, а также предметное конфликтное основание, предполагающее конкуренцию политических интересов различных социокультурных групп [5, с. 43]. При этом способы достижения поставленных целей как средство разрешения конфликтов могут иметь и насильственный характер. Религиозный экстремизм являет собой более «закрытое» явление, которое изначально идеологически обосновано и, как правило, выражает реакцию на кризис религиозной доктрины или религиозной практики. В данном контексте Иисус Христос – фактически пример революционера, радикала, обличающего обскурантизм и лицемерие фарисеев и саддукеев – элиты иудейского общества. Однако религиозный экстремизм может также являться реакцией на духовную деградацию общества, перерождение его элиты (как церковной, так и светской), провозглашать необходимость социально-политических изменений в духе религиозной доктрины. Ярким примером в данном случае являются протестантские войны и современное исламское движение, фигуры М. Лютера, Ж. Кальвина, Я. Гуса, А. Хомейни, М. ас-Садра.

По данным правоохранительных органов, сейчас в Республике Беларусь действует около 10 незарегистрированных молодежных радикальных политизированных организаций. Наиболее структурированными из них являются «Молодой фронт» («МФ»), «Молодые демократы», «Джинс – за свободу», «Бунт», «Молодежь БНФ».

Характерно, что именно молодежь выступает основной «ударной силой» при проведении уличных акций белорусской политической оппозиции, прежде всего – несанкционированных. При этом прослеживается тенденция увеличения числа молодежи, участвующей в уличных мероприятиях оппонентов власти. По последним данным, до 70–80% участников акций – молодые люди, хотя пять лет назад этот показатель составлял 40–50%. С 2006 года за активное участие в несанкционированных протестных мероприятиях и распространение агитационной печатной продукции деструктивного содержания органами охраны правопорядка задержано 950 студентов и учащихся. В 2007 году из общего числа молодых людей, задержанных за активное участие в несанкционированных протестных мероприятиях и распространение антигосударственной печатной продукции, почти 40% составляли учащиеся средних и высших учебных заведений республики.

При этом отчетливо прослеживается стремление определенных сил под, казалось бы, безобидными предложениями втянуть молодежь в осуществление своих авантюрных планов и политические игры. Например, через организацию футбольных турниров среди дворовых команд с вручением соответствующих призов. Организуются акции по защите историко-культурных ценностей, концерты рок-музыки и другие мероприятия. А лидер ПКБ С. Калякин придумал для молодежи «интересное» занятие в виде обхода квартир в Советском районе Минска и проведения так называемых социологических опросов среди жителей на предмет выяснения существующих «проблем». Понятно, для чего это делается накануне парламентских выборов и зачем нужна молодежь «взрослым» политикам.

У религиозного экстремизма много мотивов, в частности неумение приспособиться к меняющимся обстоятельствам, окружающему миру: это требует компромисса, а поступиться принципами при заявленной «конечной и полной истинности» – значит дискредитировать себя.

Возможно, именно дух революционности и нонконформизма, а зачастую и ореол искренних, гонимых бунтарей против ханжества и отточенной схоластики «старых религий» создает привлекательный имидж данным движениям. Молодому, ищущему, энергичному идеалисту «новые религии» дают то, чего, как правило,

не могут дать «старые»: быстрые, четкие и ясные ответы на сложные вопросы в спектре от глобальных до личных проблем, причем на доступном его уровне развития языке, неформально, непосредственно. Простой, понятный и быстрый ответ и руководство к действию – вот за чем приходят в НРД еще не совсем остепенившиеся люди. И они это получают. Следует, однако, учитывать, что некоторые НРД по степени «формализованности» могут не уступать, к примеру, РКЦ или РПЦ. Однако это скорее исключение из правил, нежели правило. Аналогично обстоит процесс создания молодежных экстремистских группировок политического толка, радикализация через «омоложение» устоявшихся и институционализированных политических структур – партий, движений, общественных организаций. Яркими примерами служат НБП, РНЕ, «Молодой фронт» и другие. Они противопоставляют активное прямое действие бюрократическим интригам, тактику радикального прямого столкновения методу «анаконды».

«Деструктивные культы обустроиваются именно в том аморфном поле, которое создается отказом общества и государства от многих позиционных ограничений (деидеологизация, демократия, плюрализм, свобода и права человека, уважение прав меньшинств) и отсутствием сильной и организованной системы, гарантирующей соблюдение наиболее важных принципов и правил социально-психологического взаимодействия», – отмечает психолог и сектовед Е. Волков [2, с. 30–31]. Религиозный экстремизм является объектом внимания не только религиоведов, но и социологов, политологов, психологов. До недавнего времени белорусские религиоведы констатировали факт преобладания в составе новых религиозных движений молодежи и объясняли его, как правило, специфическими методиками работы с новообращенными [12]. Сам же феномен религиозного радикализма и экстремизма, по их мнению, объясняется таковым характером вероучения, «промыванием мозгов» и «зомбированием» вовлеченных в «нео-

культ». Зарубежные эксперты были менее категоричны в утверждениях, отмечая и называя гораздо больше причин, объясняющих экстремизм и интерес молодежи (и не только молодежи) к НРД [9, с. 216–217; 1, с. 10–11; 13, с. 54–55].

Появление как религиозного, так и политического экстремизма обусловлено наличием целого ряда социально-экономических и социокультурных факторов, тесно взаимодействующих между собой. Важнейшую роль играет идеология или теоретическое обоснование применения насилия. В большинстве случаев корни политического экстремизма находятся в глубоких латентных и явных социальных, экономических и политических недугах. Концептуальными основаниями экстремизма являются ощущение невозможности эффективно участвовать в социальной, политической, экономической жизни, пропаганда СМИ жестокости, насилия, кульга эффективности силовых методов решения личных, групповых или общественных проблем, а также отсутствие в сознании некоторых слоев населения веры в возможность улучшить материальное положение и повысить свой социальный статус.

Источником радикализма в обществе является низкий уровень политической культуры, уничтожение традиционных духовных ценностей и норм поведения, отсутствие глубоко укоренившихся в общественном сознании и психологии традиций гражданской жизни и демократии в условиях правового государства.

Радикальные и экстремистские настроения подпитываются столкновениями ценностей и интересов в обществе, ошибками государственной политики, политическим отчуждением и отсутствием перспектив удовлетворения насущных интересов различных социальных групп при господствующем строе. Политический экстремизм очень часто берет на вооружение идеи религиозного радикализма, стремясь легитимизировать свои притязания на власть, оправдать крайность действий.

Наглядными примерами из прошлого и настоящего служат крестовые походы, связка ваххабизма с чеченским бандитизмом. Для понимания того, как распространяется это явление в молодежной среде, важно определить место молодежи в социальных отношениях, критерии самостоятельности этой части общества и отличия от других социальных категорий. Одной из актуальных проблем современности остается социализация молодежи. Именно молодежь составляет основной контингент как НРД, так и маргинальных группировок иного характера. Причины этого несколько: довольно слабая связь либо отсутствие таковой (особенно у городской молодежи) с традиционными морально-нравственными, духовными ценностями, поиск альтернативных моделей социализации и апробация их на личном опыте, особая подверженность кризисным ситуациям при отсутствии достаточных знаний и жизненного опыта.

Молодежи свойственен максимализм и энтузиазм при отсутствии должного уровня знаний и жизненного опыта, что часто порождает фанатизм, впадение в крайности, экстремизм. Особенно если молодому человеку в его «поиске себя», психологическом кризисе внешние неангажированные авторитеты пообещают нечто немедленно и «надежно» – например, «истинное просветление» или «спасение».

Данными обстоятельствами объясняются как приток клиентов «новых религий», так и энергичность религиозной практики, миссионерской деятельности, которую ведут последователи НРД. То есть проблема имеет несколько граней: особенности возрастной психологии, уровень информированности населения, профессионализм социальных служб и др.

Однако в любом случае сам факт «альтернативной социализации» как заметного явления есть показатель ослабления традиционных социальных связей и недостаточной эффективности социальной

политики госорганов. Аргументы типа: «в сектах промывают мозги» – со многими оговорками допустимы при объяснении причин, по которым считанные проценты от огромного количества посетителей остаются в «сектах», но совершенно неприемлемы при анализе причин массового обивания порогов общин НРД. Действительно, НРД деструктивного толка активно используют новейшие пиар-технологии и методы «контроля сознания» [3; 4; 12; 13]. Поэтому духовное искательство многих молодых людей зачастую и останавливается именно в структурах подобного типа. В них юноши и девушки часто находят искомое: теплый прием и особое внимание, круг общения, участие в их личных проблемах («бомбардировка любовью»), привлекательную символику и авторитеты, реализацию некоторых личных комплексов и так далее. [1–4]. Государственный медицинский судебный эксперт-психиатр С.Ю. Голубев характеризует это как обретение «суррогатной семьи». В то же время выход из НРД достаточно сложен. От адепта требуется твердое решение, которое должно быть основано на полной информированности о сущности данного НРД и последствиях выхода: трудностях социализации в гражданском обществе, возможных вариантах поиска нового жилья и места работы, восстановления или создания нового круга общения... НРД деструктивного толка часто преследуют бывших членов, оказывают психологическое, иногда – физическое давление, прибегая к методам шантажа и даже убийств «отступников». Примерами служат судьбы бывших членов Церкви сайентологии, сатанинских группировок и др. Часто бывшие члены НРД нуждаются в социально-психологической реабилитации, к которой наше общество не всегда готово. Однако квалифицированная помощь в данном случае возможна лишь при постоянном мониторинге состояния религиозной среды, чего опять же не наблюдается. Отсюда – вспышки религиозного радикализма и экстремизма. Те же методы применяются и при индокринации в сознание молодежи идей по-

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркер, А. Новые религиозные движения. – СПб.: «РХГИ», 1997. – 281 с.
2. Волков, Е. Психологическая и организованность добра / Хассен С. Освобождение от психологического насилия. – СПб.: Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2001. – С. 24–32.

политического экстремизма. Наиболее последовательными радикалами являются молодые люди из социально неблагополучной среды, обделенные вниманием педагогов. Подростки из неполных и неблагополучных семей, так называемых «социальных низов», не только получают альтернативную социализацию, но и проявляют больше рвения в политической деятельности. Экстремистские организации весьма успешно эксплуатируют подсознательную потребность молодых пассионариев в бескорыстном служении идее, в самопожертвовании и т. п.

Неофиты, как показывает практика, склонны к большему максимализму и даже крайностям, нежели воспитанные в рамках того же вероисповедания. В этом есть и чисто психологический аспект: неофит стремится доказать даже не столько другим, сколько самому себе окончательное и бесповоротное порицание прошлого, разрыв с ним, правильность сделанного выбора и стопроцентную приверженность новой вере, преданность общине. У тех, кто перешел из одного вероисповедания в другое, часто наблюдается тенденция к резкому порицанию своей «бывшей веры» и даже ярко выраженному враждебному отношению к ней. Таким образом, у неофита возникает некий комплекс вины – с одной стороны, агрессивность в отношении к представителям другого вероисповедания. К слову, аналогичный синдром проявляется и в поведении «политического перебежчика». На наш взгляд, комплексованность неофита вполне может быть одной из причин не только агрессии (мотивированной и немотивированной), но и экстремизма, который, в свою очередь, является питательной средой для терроризма.

Демографические факторы объясняют некоторые особенности как НРД, так и молодежных политических группировок, в частности их активность и использование новых, неформальных подходов в агитационно-пропагандистской деятельности, агрессивные способы социальной самопрезентации. Многими общинами указанных движений

руководят люди молодые, часто – неотягощенные жизненным опытом, что, по мнению профессора А. Баркер, «считается одной из причин крайних действий, предпринимаемых некоторыми НРД» [1, с. 6]. Айлин Баркер и Стюарт Райт причину ряда существенных изменений в НРД видят во взрослении первого поколения верующих и появления у них детей [1, с. 7]. «Более того, – отмечает А. Баркер, – со временем, когда основатели НРД умирают и им на смену приходят другие, когда демографический состав приближается к показателям общества в целом, многие движения из числа выживших становятся «институционализированными» и начинают больше походить на те сложившиеся религии, которые они некогда обличали» [1, с. 7]. Данное утверждение в полной мере соотносимо с религиозной ситуацией в Беларуси и может быть проиллюстрировано на примере пятидесятнических общин (Христиан Веры Евангельской) [11].

Таким образом, проблема борьбы с политическим и религиозным экстремизмом является многоаспектной, комплексной проблемой, включающей в себя правовые, психологические, социально-экономические и политические вопросы. Залогом успешной профилактики данного явления является повышение уровня общей и политической культуры населения, активная работа с молодежью (а не имитация таковой) [6; 10], ориентация на традиционные ценности и духовные идеалы белорусского народа, исторические традиции. При рассмотрении проблемы необходимо учитывать геополитические устремления зарубежных стран, состояние и динамику международных отношений, уровень социальной защищенности граждан и занятости трудоспособного населения в государстве, состояние межнациональных отношений и ряд других компонентов обстановки в стране. Кроме того, следует уделить максимальное внимание институционализации радикальных групп, налаживанию общественного диалога и решению социальных проблем молодежи. ■

3. Волков, Е.Н. Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культах // Журнал практического психолога. – 1996. – № 3. – С. 76–82.
4. Волков, Е.Н. Основные модели контроля сознания (реформирования мышления) // Журнал практического психолога. – 1996. – № 5. – С. 86–95.
5. Грачев, А.С. Политический экстремизм. – М.: Мысль, 1986. – 271 с.
6. Идеология и молодежь Беларуси: Пособие / Под ред. Л.Е. Землякова, С.Д. Лаптенка. – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. – 387 с.
7. Козлов, А.А. Об опыте и итогах исследования проблемы экстремизма молодежи // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў Трэцяй Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць» у 2 ч. Ч. II. Магілёў, 2003. – С. 257–264.
8. Козлов, А.А. Об определении экстремизма // Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и вопросы профилактики. СПб.: Химиздат, 2003. – С. 24–32.
9. Майерс, Д. Социальная психология. Интенсивный курс. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2000. – 512 с.
10. Молодежь Беларуси: социальная политика и условия самореализации // Научное издание. – Мн.: ИСПИ, 2000. – 184 с.
11. Прокошина, Е.С. Состояние нетрадиционной религиозности // Некультовые объединения в Беларуси. – Мн.: Четыре четверти, 1999. – С. 4–11.
12. Хассен, С. Освобождение от психологического насилия. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 400 с.
13. Интересы человека в зеркале социологии // ИАЦ при Администрации Президента Республики Беларусь. – Мн.: 2006. – 53 с.